

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

МАТВЕЕВ О. В.

*канд. ист. наук, доцент кафедры дореволюционной
отечественной истории Кубанского государственного университета*

GRAND DUKE MIKHAIL NIKO-
LAYEVICH DURING THE LAST
PHASE OF WAR

MATVEEV O. V.

В статье исследуется пребывание на посту командующего Кавказской армии представителя царской династии Романовых Великого князя Михаила Николаевича на завершающем этапе Кавказской войны в 1863–1864 гг. в контексте антропологического и историко-психологических подходов.

The article analyzes the leading of the Caucasian Army by Mikhail Nikolayevich, the representative of Romanov dynasty during the last phase of the Caucasian War in 1863-1864 in the context of anthropological and historic-psychological approaches.

Ключевые слова: Кавказская война, плац-парадная культура, национальный миф, парад в Кбаадэ.

Keywords: the Caucasian War, parade culture, national myth, parade in Kbaade.

УДК 94(47)

Выдающийся отечественный кавказовед В. В. Дегоев справедливо заметил, что увлечение проблемами общественного строя, военными сражениями, массовыми переселениями людей и влиянием на них религиозных систем привело к «обезлюживанию», явной «деперсонификации» богатой на личности истории Кавказской войны. Десятилетиями культивировалась традиция «рисовать портреты деятелей Кавказской войны лишь двумя красками – черной и белой. А возможности такой «живописи» крайне скудны. Вдобавок они еще больше обедняются необходимостью принимать во внимание такую ранимую область массового сознания, как национальные чувства» [1].

Показательно в этом контексте отношение к имени главнокомандующего Кавказской армией на завершающем этапе войны Великого князя Михаила Николаевича (1832–1909). Если дореволюционная историография о нем носит сугубо апологетический характер [2], то современные авторы порой помещают имя этого кавказского наместника в специальный список «палачей адыгского народа» [3]. Создается впечатление, что традиционные подходы к событиям Кавказской войны в условиях «войны историографий» [4] не всегда работают на установление истины. В данной статье предпринята попытка разобраться в роли Великого князя в событиях 1863–1864 гг. на Северо-Западном Кавказе, применяя методы антропологического и историко-психологического анализа.

Михаил Николаевич был назначен наместником Кавказским и главнона-

чальствующим Кавказской армии 6 декабря 1862 г. К этому времени четвертому (младшему) сыну императора Николая I едва исполнилось 30 лет, он имел чин генерала от артиллерии. За всю свою жизнь Михаил Николаевич не участвовал, а только присутствовал еще молодым в одном-единственном сражении под Инкерманом. Однако этого оказалось достаточным, чтобы наградить члена царской фамилии орденом Св. Георгия 4-й степени. Некоторый военно-административный опыт он получил, исполняя обязанности генерал-фельдцейхмейстера – командующего всей русской артиллерией. Время пребывания Михаила Николаевича на этом посту совпало с периодом коренных реформ в русской артиллерии, вызванных, прежде всего, переходом от гладкоствольного к нарезному вооружению. В ходе этих преобразований оборудовались новые артиллерийские полигоны, создан специальный артиллерийский комитет, было организовано обучение артиллеристов на всех уровнях. Кроме того, с февраля 1860 г. великий князь Михаил Николаевич возглавлял военно-учебные заведения империи.

На плечи «главноначальствующего» на Кавказе всегда ложилась колоссальная нагрузка по административному обустройству огромной имперской окраины, руководство боевыми действиями в сложнейших условиях, принятие решений, способных оказать огромное влияние на развитие отношений России с сопредельными государствами и Европой [5]. В результате даже управление Кавказом такими выдающимися военными и администраторами, как А. П. Ермолов, И. Ф. Паскевич, М. С. Воронцов, А. И. Барятинский, не раз отмечалось разного рода конфузами. Если же первым лицом здесь оказывался человек, неспособный выйти за рамки стереотипов своего времени, то в истории региона он оставался неудачником, как, например, Г. В. Розен, А. И. Нейдгардт или Е. А. Головин. Почему же во главе Кавказской армии и многонационального

края в конце 1862 г. оказался заурядный военный, по выражению С. Ю. Витте, человек «мало государственно-образованный» [6]?

В современной литературе высказана версия о том, что в своих масштабных преобразованиях страны император Александр II стремился распространить действия реформ на возможно большую часть империи. В условиях существования дворянской оппозиции он старался опереться на членов своей семьи, назначив великого князя Константина Николаевича наместником в Польшу, а Михаила Николаевича – на Кавказ. Подтверждение этой версии исследователи видят в проводимых в Кавказском крае в 1860–1870-х гг. реформах [7]. Поддержал такой подход и В. М. Муханов, специально изучавший причины удаления с поста главнокомандующего А. И. Барятинского. Историк пришел к выводу: «Александр II поступил политически мудро, показав с помощью назначения своего брата доверие и расположение горцам, а главное, важность этого региона для России» [8].

Соглашаясь с этими утверждениями, позволим себе присовокупить к ним еще одно немаловажное соображение. Чрезвычайно весомым для престижа самодержавия внутри страны и на международной арене было то, что точку в многолетней борьбе за присоединение края поставит представитель царской фамилии. Финал Кавказской войны был предрешен. Вглубь гор против остатков абадзехских, шапсугских и убыхских отрядов неумолимо продвигались войска Кубанской области, руководимые опытными военачальниками Н. И. Евдокимовым, В. А. Гейманом, П. Д. Бабычем. От великого князя Михаила Николаевича не требовалось особых полководческих свойств, чтобы принудить горцев покориться. Отсутствие у нового наместника деловых качеств оказалось в этих условиях не столь важным, поскольку противостояние с горцами на завершающем этапе Кавказской войны уже выработало план действий, а опыт М. С. Во-

ронцова и А. И. Барятинского заложил программу административной деятельности на Кавказе [9]. Прибывшему в край в феврале 1863 г. Великому князю оставалось номинально завершить Кавказскую войну и вписать еще одну славную страницу в историю династии Романовых.

Поэтому представляется, что командование Михаилом Николаевичем войсками Кавказской армии в 1863–1864 гг. характеризуется двумя главными чертами. Во-первых, он полностью принял систему войны, сложившуюся в годы управления краем А. И. Барятинским, прислушивался к советам фельдмаршала. Среди опубликованной В. М. Мухановым переписки Михаила Николаевича с А. И. Барятинским обращает на себя внимание письмо великого князя от 10 декабря 1862 г., в котором говорится: «Назначение наместником Кавказским и командующим Кавказской армией для меня весьма лестно, как выражение доверия Государя и потому еще, что получаю в командование первую армию в мире! Но я очень хорошо чувствую, как новое поприще будет для меня трудно по малой моей опытности в делах вообще и в администрации в особенности. Дай, Господи, мне оправдать ожидание Государя и быть полезным и на столь важном государственном поприще.

Надеюсь, что Ты не будешь отказывать мне в советах и позволишь в затруднительные моменты обращаться к Тебе и просить Твоего мнения» [10]. А. И. Барятинский в ответном письме нарисовал целую программу деятельности наместника на Кавказе. Для успеха военных действий в Кубанской области победитель Шамиля настаивал на соблюдении двух условий: постоянной войны и усиления казачьей колонизации. «Вашему Императорскому Высочеству, – отмечал фельдмаршал, – выпадает славный жребий нанести удар сопротивлению западных горцев. Тогда Вам останется осчастливить целый край, оживленный новой

жизнью, дарами мира и просвещения» [11].

В своем первом приказе по Кавказской армии от 14 февраля 1863 г. великий князь приветствовал войска от имени «бывшего вождя нашего, генерал-фельдмаршала князя Барятинского». «Почитаю себя счастливым, что поставлен во главе Кавказской армии, и горжусь этим местом, прославленным моим знаменитым предшественником», – писал далее Михаил Николаевич [12].

Один из первых историков Кавказской войны Р. А. Фадеев, несколько идеализировавший главнокомандующего, констатировал: «Великий князь ни в чем не изменил плана войны, установленного при князе Барятинском и служившего с тех пор основанием всем действиям на Западном Кавказе. План этот, без сомнения, был наилучший в данных обстоятельствах; он решал дело вернее и полнее всякого другого. Тем не менее, почти все на Кавказе ожидали изменений, а другие, в то время еще не убежденные результатом, даже не желали их. Было столько же голосов «за», как и «против», и даже вторых было едва ли не больше. Великому князю предстояло следовать установленному порядку, но выбирать – и он выбрал лучшее. Я не знаю примера, чтобы за переменой главнокомандующего не последовало больших изменений в самом характере действий. Слишком трудно вложить в свою душу чужую мысль и развивать ее последовательно: это также творчество; немногие люди, облеченные полномочием власти, пойдут по чужой дороге, потому только, что она лучшая. Великий князь принял чужой план от того, что он был самый верный в предстоявшем деле, и развил его до изумительной простоты результата» [13]. Опираясь на такого блистательного помощника, каким являлся командующий войсками Кубанской области граф Н. И. Евдокимов, «вложить свою душу в чужую мысль и развивать ее последовательно» было нетрудно. В письме к великому князю от 1 июля

1863 г. А. И. Барятинский писал: «Я счастлив, что Вы на деле сами уверились в умении и настойчивости генерала Евдокимова; эти слова Вашего Императорского Высочества превосходно определяют ничем незаменяемые достоинства этого генерала и вместе с тем утверждают меня в уверенности, что военные успехи в Кубанской области увенчаются скоро, прочно и достойно вашего имени». Фельдмаршал уверял, что прекрасно видел все недостатки Н. И. Евдокимова, «но польза, которую он приносит, вдесятеро вознаграждает все его слабости» [14].

Участник событий М. И. Венюков вспоминал, что перед приездом нового главнокомандующего среди командного состава имели место слухи о том, что «участь графа Евдокимова решена именно вследствие множества хозяйственных непорядков в Кубанской области. Но вот наместник прибыл, и граф с ним в свите: ничего похожего на натянутые отношения между ними заметно не было. Когда же, посвятив объезду Кубанской области более трех недель, наместник издал в станице Суворовской великолепный приказ по войскам об изъявлении графу Евдокимову самой теплой признательности за все, им сделанное, тогда графские порицатели присмирели» [15]. Проведя несколько дней с войсками Пшехского отряда, Великий князь мог лично убедиться в эффективности применяемой Н. И. Евдокимовым системы постепенного выдавливания адыгов из естественных, созданных природой укрепленных позиций к морю. К проезду главнокомандующего Адагумский отряд вытеснил горцев из лесистых предгорий между реками Афипс и Шебш. Разрабатывалась дорога через горы по рекам Хабль и Абин, чтобы открыть доступ к причерноморским шапсугам [16]. В приказе по Кавказской армии от 11 марта 1863 г. Великий князь отметил: «Войска найдены мною в превосходном состоянии: их бодрый вид, неутомимость в походе, их мужество, которого я был личным свидетелем, не оставляет желать ничего лучшего» [17].

лем, не оставляет желать ничего лучшего» [17].

Великий князь Михаил Николаевич.
1860-е гг.

Вторая важнейшая черта деятельности Михаила Николаевича на завершающем этапе Кавказской войны заключается в следовании династическим сценариям эпохи Николая I, героическим мифам и презентациям власти в империи. Американский историк Ричард Уортман вслед за отечественными исследователями М. М. Бахтиным и Ю. М. Лотманом отмечал, что подобные презентации с одной стороны имитировали архетипы героических мифов, с другой – создавали воодушевленный политический миф о власти. Они наделяли правителя качествами, свидетельствующими о его принадлежности к миру эпопеи. Презентация события канонизировала современные события и лиц, включая их в мифическое прошлое. Правитель предстал демиургом, который жестом или печатным манифестом совершал чудеса завоевания и преобразования [18]. Все посещения великим кня-

зем Кубанской области и Черноморского побережья в 1863–1864 гг. превращались в торжественные церемонии, направленные на укрепление героической миссии члена царской фамилии. Кавказские войска и их противники горцы оказывались на таких церемониях лишь декорациями [19], которые сливались в хор одобрения брату императора. Дела, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края, содержат немало переписки, связанной с хлопотами властей по поводу проезда Великого князя и организации соответствующих церемоний [20].

На таких церемониях неказистые с виду, воспитанные не для смотров и парадов, а для боевых действий с умным и храбрым противником кавказские солдаты и офицеры вынуждены были приспособляться к плацпарадной культуре, олицетворяемой великим князем. М. И. Венюков вспоминал, что «когда стало известным скорое прибытие нового главнокомандующего, роты порешили сделать новые значки и вообще завести некоторые предметы скромного солдатского щегольства; для этого они опять сделали экономию на съестных припасах» [21]. После проезда наместника, отмечал тот же мемуарист, «прозаическая служба отряда возобновилась» [22].

По словам С. Ю. Витте, Великий князь Михаил Николаевич был «человеком с традициями и традициями великокняжескими. По убеждениям – он был сын своего отца Николая Павловича, причем он обожал его память» [23]. Войсковой строй в эпоху Николая I, по мнению Р. Уортмана, выступал олицетворением нации, устойчивости самодержавного порядка, воспроизведенного в миниатюре плацпарада. В 1840-х гг. император основал для Великих князей Николая и Михаила собственные «потешные полки», куда вошли сыновья аристократов и важных придворных сановников [24]. Эту привычную с детства обстановку Михаил Николаевич, видимо, попы-

тался перенести и в Кавказскую армию.

Начавшийся 1864 г. не оставлял горцам никаких шансов на сохранение независимости. Войска под командованием Н. И. Евдокимова методично, не неся огромных потерь, принуждали то одно, то другое горское общество покоряться русской власти. Это обстоятельство не всегда вписывалось в героическую эпопею завоевания, в которой должен был поставить точку великий князь. Поскольку в официальном мифе числом погибших оценивалось значение того или иного военного предприятия, недоброжелатели Евдокимова в окружении великого князя стали использовать факты сбережения жизни солдат для нападков на прославленного военачальника [25]. Хорошо знавший ситуацию Д. А. Милютин писал в своих воспоминаниях: «Дело покорения Кавказа казалось уже законченным, и в дальнейших военных действиях надобность миновала. Но такая преждевременная и почти бескровная развязка не входила в расчеты многих личностей, жаждавших боевой славы; в самой среде ближайших сподвижников Великого князя главнокомандующего были недовольные на графа Евдокимова за то, что он повел дело слишком поспешно и покончил прежде, чем **разыгран был предложенный эпилог великой кавказской эпопеи** (выделено нами – О. М.). Нужно было хотя бы как-нибудь потешить войска и в особенности начальников, рассчитывавших на великие и богатые награды» [26]. Именно поэтому, как считал Д. А. Милютин, была затеяна грандиозная «операция» под личным командованием Великого князя, призванная сыграть последний аккорд в Кавказской войне с торжественной церемонией ее окончания. Под предлогом очищения гор от племени айбга, которое уже не представляло никакой опасности для установления русской власти в крае, было сосредоточено 25 с половиной батальонов пехоты и 11 сотен конницы с артиллерией. Одна из колонн под командованием

князя Д. А. Святополк-Мирского направилась вверх по р. Мзымте; другая под начальством генерал-майора П. Н. Шатилова двинулась из Абхазии в долину р. Псоу; третья, руководимая генерал-майором В. А. Гейманом – по долине р. Сочи и далее в верховья р. Мзымты; наконец, четвертая под начальством генерал-майора Н. П. Граббе пошла туда же с севера через перевал Главного Кавказского хребта с верховий Малой Лабы. Все эти войска, кроме колонны генерала Шатилова, не встретили никакого сопротивления. Воины айбга оказали солдатам Шатилова отпор ружейным огнем и камнями, при этом отряд понес потери до 60 человек. Лишь обходное движение колонны князя Святополк-Мирского заставило горцев отступить. Великий князь тут же отправил в Петербург телеграмму о «громкой победе», сообщив, что «в обществе айбга сосредоточилась бездомовная и воинственная молодежь со всего берега», оказала «упорное сопротивление», но обходное движение соседней колонны «заставило скопище разбежаться. Потери в обеих колоннах за все время до 70 человек. Войска высказали себя молодецки» [27]. Д. А. Милютин, на котором лежала обязанность публиковать телеграммы о «победах» Великого князя на Кавказе, посчитал неудобным дать текст в редакции Михаила Николаевича. «Я опасался, – вспоминал генерал, – что после громкого возвещения об окончательном покорении горских племен, об умиротворении всего Кавказа известие о новом сражении, в котором войска наши вновь «высказали себя молодецки», подало бы повод к толкам в публике и ослабило бы доверие к прежним официальным известиям. Телеграмма эта особенно была некстати при тогдашних наших объяснениях с иностранными послами относительно газетных толков по поводу переселения горцев» [28]. Поэтому Д. А. Милютин дал извещение об «операции» великого князя в «Инвалиде» в более сдержанной форме, не упомянув о потерях. Михаил Николае-

вич немедленно потребовал объяснений, нажаловался на генерала Милютину самодержавному брату. Размолвка с великим князем, грустно констатировал Милютин, показала «мне на опыте, как трудны служебные отношения, когда должностное лицо есть вместе с тем член Царской семьи» [29].

Грандиозная «операция» по замыслу великого князя должна была завершиться торжественной церемонией и парадом войск, собравшихся к 20 мая 1864 г. в урочище Кбаадэ. Это была глухая котловина, закрытая со всех сторон горами и не имеющая никакого стратегического значения. Но этому урочищу, где сегодня располагается известный курорт Красная Поляна, суждено было стать знаковым местом в завершении героической эпопеи под руководством сына и брата императора. 21 мая четыре колонны выстроились вокруг небольшого холма, на котором стоял «покоритель Западного Кавказа» Великий князь, окруженный генералами, офицерами и георгиевскими кавалерами. «В большую диковинку были в ту пору для войск, в особенности Кубанской области, смотр и парады, – писал С. С. Эсадзе. – В походе и сражениях они чувствовали себя как дома, а здесь суетились, не зная, как и за что взяться» [30]. Но Великий князь *лучше знал*, как должно было завершиться эпохальное событие, обеспечившее ему место в анналах истории. Состоялся молебень, а затем – церемониальный марш. При всех великий князь подъехал к Н. И. Евдокимову и обнял его. Войска умилились. Кто знает, о чем думал в этот миг изувеченный ранами полководец, прошедший в боях и походах путь от рядового, сына бывшего крепостного, до графа и генерала от инфантерии? Через 13 лет, после взятия Карса 6 ноября 1877 г., Великий князь Михаил Николаевич также перед фронтом всех войск горячо обнимал истинного победителя турок М. Т. Лорис-Меликова. Однако театральность этого действия не обманула боевого генерала. В частном письме Н. А. Белоголовому Лорис-

Меликов нарисовал весьма нелестный психологический портрет Михаила Николаевича: «Этот завистливый и фальшивый в полном значении этого слова Вел. князь боязлив и робок, как заяц, не только на поле битвы, но и в мирное время. Робость эта, доходящая до болезненных проявлений, прирожденна ему с детства, как передали мне об этом некоторые члены Царской фамилии. Все высказанные недостатки маскируются для публики весьма благообразными наружными формами Великого князя и вежливым мягким обращением со всеми. Не доверяя собственным способностям и будучи неучен, он охотно подчиняется влиянию окружающих его лиц» [31].

Торжественный сценарий завершения Кавказской войны был разыгран как по нотам. Великий князь официально объявил о покорении Западного Кавказа [32]. На имя императора была отправлена соответствующая телеграмма. В ответ Александр II пожаловал Михаилу Николаевичу орден Св. Георгия 2-й степени и украшенную алмазами шашку с надписью «За окончание Кавказской войны». «Этими двумя наградами я хотел в твоём лице почтить всю славную Кавказскую армию», – писал император. В специальном рескрипте Александр II объявил: «На долю Вашего Императорского Высочества выпал завидный жребий завершить начатое полтора века тому назад дело покорением Западного Кавказа и впервые возвестить русскому народу, что "отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокоренного племени"» [33]. Тем самым парад 21 мая 1864 г. канонизировал события Кавказской войны в официальном духе, выдвигая на первый план героической эпопеи руководителя торжественного церемониала. Войска получили Георгиевские знамена, генералы и офицеры – богатые земельные пожалования за счет казачьих земель и награды. Нижним чинам был сокращен срок службы с 20 до 15 лет.

Величественное событие необходимо было увековечить и для потомков. Именно Великий князь Михаил Николаевич явился инициатором создания полковой историографии кавказских войск. В феврале 1865 г. командующий войсками Кубанской области получил отзыв начальника Главного штаба Кавказской армии, в котором говорилось: «Его Императорское Высочество Главнокомандующий армией, желая сохранить для потомства полное и подробное повествование тех подвигов, которые совершены были частями войск и отдельными лицами в течение продолжавшейся шестьдесят лет непрерывной войны с горцами, приказал мне просить Ваше Сиятельство объявить по вверенной Вам области: 1) чтобы во всех полках и отдельных батальонах была составлена история их действий и жизни на Кавказе. Офицеров, которые будут избраны для составления описания, Его Высочество разрешает освободить от некоторых служебных обязанностей и уволить для занятия в тех архивах, где хранятся старые дела и документы; 2) пригласить всех военных и других званий лиц, у кого окажутся какие-либо записки и воспоминания, имеющие какое-либо отношение к событиям минувшей войны, или записанные ими частные рассказы и случаи, доставить все это в Главный штаб армии» [34]. Созданные на основе этого распоряжения Михаила Николаевича истории частей и подразделений, хотя и отличаются верноподданническим характером, но до сих пор поражают обилием фактического материала о боевой повседневности кавказских войск [35].

По указанию Великого князя Михаила Николаевича военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа стал издаваться «Кавказский сборник», задачами которого были не только сбор и публикация исторических свидетельств о Кавказской войне, но и воспитательные, идеологические запросы [36]. Сочувственную резолюцию наложил Великий князь и

на проект учреждения Кавказской археографической комиссии, результатом которой стала публикация 12-томного фундаментального сборника документов Архива канцелярии Кавказского наместника [37].

События финала Кавказской войны стали начальной вехой в деятельности Великого князя Михаила Николаевича в регионе, которым он управлял до 1881 г. В этой войне он проявил противоречивые качества. С одной стороны, пошел навстречу выработанной выдающимися кавказскими военачальниками за годы противостояния с горцами системы ведения военных действий. С другой, – не смог преодолеть влияния плац-парадной культуры, привитой с детства, заложил осно-

вы имперского мифа о Кавказской войне. Процесс завершения драматической и противоречивой эпохи был сведен к церемониалу, призванному укрепить значение русской короны в присоединении Северного Кавказа. Однако национальные мифы всегда исторически обусловлены, определяют во многом систему ценностей народа, способствуют укреплению самосознания и отстаиванию государственных интересов. К тому же историко-психологический портрет Великого князя Михаила Николаевича интересен не только как отражение атрибутов и символов царской России, но и реалий того времени, которые отвечали или, наоборот, не всегда вписывались в эту символику.

Литература

1. Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд., расш. и дополн. [Текст] / В. В. Дегоев. – М., 2003. – С. 157.
2. См.: Струков, Д. П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер Великий князь Михаил Николаевич [Текст] / Д. П. Струков. – СПб., 1906.
3. См., например: Земля адыгов [Текст]. – Краснодар, 1998.
4. Олейников, Д. И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания [Текст] / Д. И. Олейников // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 69.
5. Лапин, В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. [Текст] / В. В. Лапин. – СПб., 2008. – С. 173.
6. Витте, С. Ю. Воспоминания [Текст] / С. Ю. Витте. – М., 1960. Т. 1. – С. 40.
7. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие управления [Текст] / Под ред. С. Г. Агаджанова и В. В. Тревпалова. – М., 1998. – С. 273.
8. Муханов, В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский [Текст] / В. М. Муханов. – М., 2007. – С. 189–190.
9. Чернуха, В. Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...» [Текст] / В. Г. Чернуха // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. – С. 243.
10. Муханов, В. М. Указ. соч. Приложения и документы. – С. 337.
11. Там же. – С. 341.
12. Цит. по: Эсадзе, С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Составлен начальником военно-исторического отдела полковником Семеном Эсадзе [Текст] / С. С. Эсадзе. – Майкоп, 1993. – С. 88.
13. Фадеев, Р. А. Кавказская война [Текст] / Р. А. Фадеев. – М., 2003. – С. 177.
14. Муханов, В. М. Указ. соч. Приложения и документы. – С. 343.
15. Венюков, М. И. Кавказские воспоминания 1862–1863 [Текст] / М. И. Венюков // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 625.

16. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) [Текст] / Под ред. Т. Х. Кумыкова. – Нальчик, 2003. – С. 111.
17. Цит. по: Эсадзе, С. С. Указ. соч. – С. 92.
18. Уортман, Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I [Текст] / Пер. с англ. С.В. Житомирского. – М., 2004. – С. 23.
19. Там же. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II [Текст] / Пер. с англ. И.А. Пильшикова. – М., 2004. – С. 21.
20. См., например: Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 332 «Дело с почетными рапортами подданных Великому князю Михаилу Николаевичу при проезде по району Адагумского отряда»; – Д. 346 «Сведения о проезде Великому князю Михаилу Николаевичу»; – Д. 275 «О награждении чинов отряда по случаю проезда Великому князю Михаилу Николаевичу»; – Д. 307 «Переписка о 64-х знаках отличия военного ордена, пожалованных Михаилом Николаевичем» и др.
21. Венюков, М. И. Указ. соч. – С. 624.
22. Там же. – С. 627.
23. Витте, С. Ю. Указ. соч. – С. 40.
24. Уортман, Р. С. Указ. соч. Т. 1. – С. 413.
25. Лапин, В. В. Указ. соч. – С. 174.
26. Милютин, Д. А. Воспоминания 1863–1864 г. [Текст] / Д. А. Милютин / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М., 2003. – С. 449.
27. Цит. по: Там же. – С. 456.
28. Там же. – С. 457.
29. Там же. – С. 458.
30. Эсадзе, С. С. Указ. соч. – С. 112.
31. Итенберг, Б. С. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники [Текст] / Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская. – М., 2004. Документальные свидетельства. – С. 333.
32. Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов [Текст] / Под ред. Т. Х. Кумыкова. – Нальчик, 2001. – С. 291.
33. Цит. по: Эсадзе, С. С. Указ. соч. – С. 114.
34. ГАКК. – Ф. 254. – Оп. 2. – Д. 216. – Л. 2.
35. Матвеев, О. В. «Все случаи военных событий урупцев в свежей памяти...» (К историографии 1-го Линейного генерала Вельяминова полка) [Текст] / О. В. Матвеев // Культурная жизнь Юга России. – 2004. – №4; – 2005. – №5; Его же. К историографии 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска [Текст] / О. В. Матвеев // Кубанский сборник. – Краснодар, 2006. Т. 1 (22). См. также: Матвеев, О. В. Дубровин Николай Федорович (1837–1904). – Армавир, 1994; Его же. Василий Александрович Потто. – Армавир-Краснодар, 1997; Матвеев, О. В. К историографии завершающего этапа Кавказской войны: Симон Спиридонович Эсадзе / О. В. Матвеев, И. М. Скибицкая [Текст] // Историческое регионоведение – вузу и школе (материалы 9-й всероссийской научно-практической конференции). – Армавир, 2005. Ч. 1; Они же. «Становились везде твердою ногою...» С. М. Духовский и его труд о финале Кавказской войны [Текст] // Мечом и пером: вехи истории служилой элиты России. – Краснодар, 2005.
36. Захаров, В. А. «Кавказский сборник» [Текст] / В. А. Захаров, Т. Ю. Кравцова // Кавказский сборник. Т. 1 (33) / Под ред. Н.Ю. Силаева. – М., 2004. – С. 323.
37. Несмачная, С. И. Первое издание архивных документов на Кавказе [Текст] / С. И. Несмачная // Кавказский сборник. – М., 2005. Т. 2 (34). – С. 350.